

ЖИТМАЛОЖ

Литературное приложение к газете "Университетские вести"
№ 6 (17 - 18) Декабрь

Литературное наследие

Майя Румянцева

РУМЯНЦЕВА Майя Александровна (1928-1980) Советская поэтесса, автор многих стихотворных сборников. Ряд из них издан в Москве, в издательстве «Современник» и «Художественная литература».

Топор

Две руки да ладный топориче,
Две ноги, расставленные врозь.
От ударов только ветер свищет
Да полено режется насквозь.
Кажется, по свету ходят ветры
Оттого, что рубят на земле.
...Ведь недаром
топориче крепкий
Горб высокий
нажил на спине.
Было это, верно, в мире древнем.
Было это в мамонтных веках.
Кто тебя, топор, придумал вдревле
Да потом опробовал в руках?..
Немудреную машинную диковину
Совершенствуют
кроят издалека.
А топор - мудрейшая штукавина,
Был сработан сразу
на века!
Человек тот, верно, был огромен.

По труду неясная тоска.

Жив доньне
Жив он
в каждом доме
Первооткрыватель
Топора...

Голубое и розовое

Новорожденных мальчишек
(Мудрое поверье)
Пеленают в голубое
С самого рожденья.
Сколько в жизни голубого
Им потом встречается!
Голубой дымок табачный
За парнями тянется.
У матросов на тельняшках
Голубые полосы..
Голубая водка в стопках,
Голубые полюсы..
Голубых полярных льдин
Встретить караваны.
Голубое море им
Небо..
Океаны..
Новорожденных девчонок
(Мудрое поверье)
Пеленают в розовое
С самого рожденья.
Им губами розовыми

Целовать мальчишек.
И рожать со стоном
Розовых
детишек.
А проводят в небо,
А проводят в море -
Розовые веки
У девчонок с горя...

Девичья фамилия

Цокот от подковы..
В кузнице - до пота.
Прадед мне горбом своим
Фамилию
заработал:
«Р-р-раз!» - по наковальне -

Искры бирюзовые.
Выбивал фамилии:
Куз - не - цо - вы..
Выбивал он на сто лет,
Ударяя молотом.
Подарил нам жаркую,
Подарил нам с цокотом.
А в роду -
ну как на грех! -
Все у нас - девчонки.
Растеряли девичью,
Растеряли звонкую,
В кузнице сработанную,
Среди искры синей.
...Мне б призвать их
к бунту -
Не менять фамилии!..
...Где-то в светлых загсах
Предавали прадеда мы.
Пропили фамилию
За столами
свадебными..
В нынешней фамилии
Что-то есть
мешанское.
Есть в ней сдобность пышная
С купеческой
закваскою,
Есть в ней от оладьев,
Самоваров тучных.
Что-то есть сундучное,
Скучное-прескучное..
...Где ты, моя девичья,
В кузнице рожденная?..

До сих пор хожу я,
Яростно влюбленная
В искры наковален,
В цокот от коня,
В девичью фамилию
Из звона
И огня.

Что можно написать о топоре?..

Уже довольно поздно, когда мне было 16 лет, т. е. год с лишним тому, я стала читать стихи Майи Румянцевой, моей бабушки. Я сразу же исключила те из них, которые были написаны по социальному заказу. (Я вовсе не обвиняю поэтессу с высоты своего времени, я просто хочу понять ее, погрузиться в ее ритмические строки, подумать о том, о чем думала она, когда писала свои стихи).

Сразу же бросились в глаза и буквально ослепили меня четыре стихотворения: «Топор», «Голубое и розовое», «Девичья фамилия» и «Солдатка». С первого взгляда они поражают глубиной мысли и в то же время простотой форм, в которые облекается, формируясь, мысль. Первые три стихотворения написаны на различные бытовые темы и очень похожи, мне кажется, на наброски, а последнее - «Солдатка» - о войне. Почти мужские, короткие, точные и острые строчки, железными клинками бьют в висок, поражая воображение. Гораздо лучше читать стихи Майи Румянцевой вслух.

Две руки да ладный топориче,
Две ноги, расставленные врозь.

От ударов только ветер свищет,
Да полено режется насквозь.

Невероятен ритм этих строчек, он вихрем захватывает тебя, ты проникаешься им, уже невозможно оторваться от этих безумно стройных стихов, твое внимание полностью во власти поэтессы. По ее прихоти ты узнаешь:

Новорожденных мальчишек
(Мудрое поверье)

Пеленают в голубое
С самого рожденья.
Сколько в жизни голубого
Им потом встречается!
Голубой дымок табачный
За парнями тянется.
А потом:
Новорожденных девчонок
(Мудрое поверье)
Пеленают в розовое
С самого рожденья...

Мне кажется, это стихотворение проникнуто духом старины, ветхих преданий, резных окошек, вязаных скатертей и, конечно же, бабушкиных сундуков. Цвет же стихотворение получило от современности. Оно вечно уже по той простой причине, что оно мудро. А мудрость - это не преходящее и уходящее качество, оно одинаково

во все века. А именно это качество и отличает стихотворения Майи. Взять, например, то же стихотворение «Топор» и проникнуться четырьмя незамысловатыми строчками:

Жив доньне,
жив он
в каждом доме
первооткрыватель
топора...

И какой жуткий смысл предстает перед нами. А казалось бы, что можно написать о топоре? Нет, для Майи Румянцевой это: «...мудрейшая штукавина, был сработан сразу на века!»

Много можно говорить о стихах талантливой поэтессы, но я хотела бы рассказать еще о двух, которые мне особенно запомнились. Это «Девичья фамилия» и «Солдатка».

Цокот от подковы..
В кузнице - до пота
Прадед мне горбом своим
фамилию
заработал.

Так начинается это стихотворение о девичьей фамилии, короткие строчки, необыкновенно точ-

ные и короткие слова создают настроение кузницы, несут огромную мысль. И ведь правда, девичья фамилия... Есть о чем задуматься.

А вот стихотворение «Солдатка» поражает читателя своей эмоциональностью - ведь оно о женщине, простой русской женщине, у которой ушли на фронт, или, точнее, ушли защищать хлеба, которым грозило сто огней, четыре сына и муж Матвей. Так выразительно о том, что они не вернулись с фронта, может сказать лишь сама Майя Румянцева:

Легло потом пять похоронок
На скатерть белую в избе.
А под косынками солдатки
Все пряди стали в серебре.

Но надежда никогда не покидает стихи поэта. И как у солдатки есть ее четыре внука, так и у нас есть стихи Майи, с которыми мы пойдем дальше, и я уверяю вас, они не отяготят наш рюкзачок, наоборот...

ДАРЬЯ РУМЯНЦЕВА,
студентка 1-го курса
филологического факультета.

Елена ЧАСОВСКИХ

- постоянный автор «Пигмалиона», студентка 3-го курса филфака ТГУ. Ее стихи совершенны композиционно. Образ свеж, концовка всегда неожиданна. Это - несомненный признак таланта.

В маятнике пламени куста,
На перекладине куста,
В раскатах бешеных громов,
В углах заброшенных домов,
В священном дыме благовоний,
В молчании лир, в бреду агоний,
В забытых буквах древних книг
Ты не увидишь светлый лик.
Стекло воды и гладь зеркал
Покажут то, что ты искал.

Мною пройдены дороги
той страны, где смерть мертва,
той страны, где полубоги
слышат мысли, как слова,

той страны, где знают маги,
как уставший и в пыли,
Бог на таинстве бумаги
набрал экиз Земли,

той страны, где силой слова
созидаются миры,
где впускают в дом любого
на молитвы и пиры,

той, где истина таится
в бездне глаз, а не в вине,
той страны, что вам лишь снится.
Я была там. Верьте мне.

Под звездой непостоянства,
между памятью и тьмой
бьется с лету о пространство
то, что мы зовем душой.

Ложь, ничемного завета
стерта дланью Красоты.
Здесь берет начало Лета -
дочь вселенской Пустоты.

Купите меня. Я не дорого стою -
пушистая киска из яркой витрины.
Игрушками в праздник полны
магазины,
но я, только я вас сегодня устрою.

Купите меня. Отнесите в машину
и там улыбнитесь неброскому свертку
и резким рычком разорвите обертку -
я к вам на колени доверчиво прыгну.

Я вам помурлычу умильно и сладко.
Взгляните: меня не любить
невозможно.
Погладьте меня по щеке осторожно,
и я вам отдам всю себя без остатка.

И пусть я заброшена буду на полку,
где пыль, пауки и засохшие краски,
за долю секунды нечаянной ласки
согласна всю жизнь там грустить
втихомолку.

Проходите мимо? Идите. Идите -
Запишется в памяти, будто на пленку

смешная игрушка кричит вам
вдогонку:

- Купите меня, я прошу вас, купите!

Геннадий МИНАЕВ

ХАРОН

Я вижу - тусклое небо,
Земля, как в седилах, в снегу.
Никогда так холодно не было
На этом, живом берегу.

Пигмалеон и Галатя.

Рис. Д. Румянцева.

Я слышу - безмолвные весла
У кромки туманных вод.
Маячит фигура рослая
И в лодку садиться зовет.

Дорожка струится у весел осины,
Из пены растут пузыри
Синиц, до сих пор застилавших
глубины
Подернутой рябью зари.

И вычислить с холода формулу сада,
И с ночи списать снегопад,
Чтоб утром сугробы сгребать под
оградой
В плохом переводе лопат.

Где иносказательна улица в спорах,
Как притча, метлы с мостовой,
И слышен деревьев застегнутый
шорох:

Им жарко под царской парчой.

Сновали медузы, взрыхляя морские
глубины.
Пугливые люди смотрели на них
высока.
Потом, напрягая холодные ватные
спины,
Пытались собраться, как капли воды в
облака.

Им мало огня, что украден из кузниц
Гефеста.
Нахальный огонь-укрощенный до
времени зверь.
И брэнному телу на призрачной суше
нет места,
И суше без брэнного тела нет места
теперь.

Колочие травы ласкали их жесткие
ступни,
И было во что упереться могучим
рукам,
Но небо, приблизившись, стало еще
недоступней
Того, под которым привыкли
молиться-богам.

Бесконечный смысл «Знака бесконечности»

Опыт литературной антикритики

Это было давно, более 20 лет назад, в Ленинграде, где я учился на курсах. Я приходил утром в «Эрмитаж» и читал картины Пикассо. На каждую нужно было тратить много времени - не менее двух часов. Возле «Танца с покрывалами» я находился уже четыре часа и все никак не мог понять тайны этой картины. Мимо пронеслись экскурсии, экскурсоводы махали указочками, говорили по-русски, по-испански - одинаково бесцветно. Танца я не видел, а видел только разбегания глаз и носа, а еще - клетчатых покрывал.

И вдруг... Я все понял. Клетки задвигались. Глаза сошлись и разошлись вновь. Человек с покрывалами исполнил танец. И это было на картине, где движение в принципе передать нельзя. Голова кружилась от радости. Я искал кого-нибудь, чтобы рассказать о своем открытии, показать...

В зал вошел нарядно одетый человек, мой знакомый, ученик моего учителя поэта Илли Вася (В. И. Лыткина). Ученый мой брательник ткнул рукой в танцующего Пикассо: «Вот так, - сказал он, - левой ногой может нарисовать мой сын. Какой вздор! Разве это искусство!»

«Подожди! - сказал я. - Успокойся. Видишь вот эти клеточки. Смотри, как они смещаются и расходятся. Видишь танец?»

Мой знакомый умолк, поник и - прося: «Спасибо! Я и не подумал. Почему же нас этому не учат? А?»

А чему нас тогда учили? Чему сейчас учат? Дивное искусство цвета, клеточек, теней, слов - разве все это просто?

Разве это сразу можно воспринять? Но даже в самые древние времена были люди, которые извлекали чудесные смыслы из звуков, например, слушая дивного певца Орфея: Сирены заслушивались, боги плакали. Если когда-то людям было дано понимать смысл звуков, почему бы это не вернуть им теперь?...

И вот передо мной книга стихов Сергея Бирюкова «Знак бесконечности», только что изданная и уже осмеянная литературными невеждами:

«Тень
шорох тени
и нет хороших
в шорах
кто хороши? -
рошко рошко!
Ни те, рох шо,
ни другие»

Что это такое? Вздор? Возможно! Но какой красивый вздор! Представьте колосья. Сноп. Золотые лучи оранжевой солнечной ржи. Существует у людей синестетическое чутье, когда можно сказать, какого цвета «А», «О», «И», «Ш». Так вот - и «ш», и «р», и «о», и «х» - желтого, солнечного цвета. Вместе они - колосья. Я рассыпаю сноп: шорох превращается в шоры, в хорошо. Что-то остается такое, что нельзя снова связать в сноп, но все равно, - солнечное, оранжевое: рошко!

Звуки настолько прекрасны, хроматичны, что окрашенными оказываются даже их тени: шорох тени...

Вы спросите: зачем это? Не лучше ли писать:

«Против дикого кота
наш кот Васька - мелкота!
Дело тут совсем не в росте,
Дело в ловкости и злости.
Страх наводит дикий кот
на лесной честной народ...»

Кто-то должен писать и про кота - для тех, кто не слышит шороха тени. А если я этот шорох услышал, неужели и я должен терпеть жуткий бред о коте:

«В цепких лапах очутиться
может белка, мышь и птица.
Жаль лесных зверюшек все же.
Но коту жить надо тоже».

И каким глухим надо быть, чтобы не слышать: «котужить надо тоже!» Для человека, лишенного синестетического чутья, «котужить» - норма. «Поднатужился» - и все тут. А образ-то кота - оглоеда какой дивный!

А для того, у кого звуки окрашены, это - все равно что скребком по ржавому железу. И - ножом по сердцу. Ну может ли быть литературным героем такой отвратительный мерзавец?

Звуки языка, человеческой речи, не могут не быть прекрасными. Они - свидетельство семьи и нации, мерила человеческого благородства. По звукам речи мы определим характер и тип человека. Мы садимся в дачном поезде там, где слышим красиво окрашенную речь и откуда не несет перегаром и табачным смрадом.

Для поэта самое страшное - бесцветье. Бесцветье, конечно, ограничено в Про-

странстве и Времени, но оно губительно и для того, и для другого. Время оно попросту убивает, как домино: «Нет одиночества. Стон домино. Черною радостью брызжет вино в праздном дворе...»

Говорят, дети любят стих про дикого кота, а вот про шорох тени они ничего не могут понять. Это - ложь! Это - следствие взрослого внушения. У ребенка с самого раннего возраста можно отбить всякое желание чувствовать звук, его чуть ли не с пеленок можно обучить пошлости. Но, слава Богу, еще остаются дети нормальные. И вот о них пишет поэт Бирюков:

«Дочь моя глядит в костер,
говорит: - Погибли ветки...
Почему же так остер
взгляд, которым видят детки?»

Я счастлив, что оказался современником поэта Сергея Бирюкова. Мне радостно оттого, что я почувствовал смысл его стихов. Мой прекрасный друг писатель Иван Елегечев может сказать тоже. Вот он звонит мне: «Ты знаешь, куда я поставил книгу Бирюкова? Я поставил ее рядом со своим любимым Андреем Белым!»

Это слова мудрого и талантливого человека. Что перед ними выкрики околелитературной бездарной черни!

В. РУДЕЛЕВ.

Андрей Цуканов

ПОЭЗИЯ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В начале двадцатого века в русской поэзии произошло восстание - футуристы и акмеисты восстали против демиургической монополии символизма. Так родился русский постмодернизм (именно тогда, а не сейчас) - как реакция на символический модернизм, возжаждавший в символе собрать всю соль и все сливки мировой и русской культуры и увенчать ее в конечном итоге самим собой, подобно тому, как Гегель воссел на сконструированной им самим диалектической пирамиде, объявив ее пределом философской мысли. Отдадим должное символистам - в отличие от Гегеля, оставленного в стороне бушующей стихией Ницше и метафизикой любви Соловьева - они ощущали, что символизм, тем не менее, не абсолютен и не вечен, и за ним должно следовать нечто другое. И хотя то другое фатально ассоциировалось с кондом искусства, литературы и поэзии, символисты находили в себе мужество «встречать приветственным гимном» грядущие потрясения. Блок сочувственно наблюдал за поэтической судьбой Северянина и Маяковского, Брюсов в критические моменты поддерживал Гумилева, и именно Брюсов первым в русской литературной критике в журнале «Русская мысль» в 1913 году сделал два серьезных разбора «тех кто меня

уничтожит» - футуристов и акмеистов. В этих же статьях Брюсов прозрачно намекал футуристам, что если они хотят попасть в «столпы» русской поэзии, то им никак не обойтись без «многозначного символа».

Символ и метафора в поэзии всегда находились в весьма сложных взаимоотношениях. Интуитивно люди всегда чувствовали, что существует где-то рядом, близко, вне или внутри их самих, нечто неуловимое, но главное и фундаментальное, ощущаемое неотрывным от их жизни. И в литературе, в сущности, символ возник как итог классификации метафорического поля сравнений, метонимий и прочих тропов - более или менее удачных попыток передать ощущение непередаваемого. И метафору можно определить как попытку соотнесения себя с мирозданием, а мироздания - с собой. Но существует и обратная связь: малопопулярная с первого взгляда метафора очень часто легко расшифровывается путем соотнесения ее с полюсами символов и, если она не дутая, а действительно глубока и своеобразна, то придает звучанию символа новые грани, новое сияние и большую глубину. Метафора, не обращенная к символу, не соотносимая с ним - плоска и невыразительна. Но и символ, не возрождаемый вновь

и вновь метафорой - костенеет и превращается в идол.

Рассуждения на тему, что первично - символ или метафора - это вечный спор о курице и яйце. «Символист» Блок, всю жизнь «бегавший» от метафоры, создал поэму «Двенадцать» как суперметафору Страшного Суда, а «метафорист» Маяковский в конце жизни создает строки во вполне символистском стиле. Метафора нуждается в символизации так же, как символ нуждается в метафоризации.

Но литературный символ вовсе не является основой или центром мифа или, по мнению Лосева, «миф не есть поэтическое произведение». Разрыв между поэзией и мифом существует потому, что миф есть основа себя самого - чудо личностное и существующее, а поэтический символ - лишь ощущение этого чуда. Но тот же Лосев считает, что разрыв этот вполне преодолим, для этого необходимо ощутить - ни много, ни мало - бытие самой поэзии как чуда и как чуда личностного. И тогда на первый план выходит все-таки метафора, благодаря которой человек обретает возможность в общем символически-мифическом поле обнаружить бытие своего собственного конкретного и личностного мифа - почувствовать его чудо как чудо собственного бы-

тия. Конечно, для кого-то жажда мифа может означать стремление к растворению в общем поле мифов, в силовых линиях его символов - подобно тому как электрон движется по силовым линиям электромагнитного поля. За этим стремлением можно даже признать некую конфуцианскую мудрость. Можно так же раствориться в чужом личностном мифе - как это делают «толкнутики», заставившие Толкиена сожалеть о том, скольким таким «нутикам» он невольно испортил жизнь. Но я лично не хочу быть электроном, конфуцианцем или «толкнутиком» - я хочу быть, прошу прощения, самим собой. Убежден - не я один.

Сергей Булгаков в начале этого века, пытаясь с теологической точки зрения проанализировать личности некоторых писателей и общественных деятелей, ввел несколько странный термин - «реальные мистические начала» - и утверждал, что они личностны и присущи каждому человеку. Тем самым он вроде бы противопоставлял себя Юнгу с его теорией «архетипов». В действительности же противоречия между ними нет: просто Булгаков и Юнг действовали в разных категориях одного и того же. Юнг считал, что человек живет в общем архетипическом-символическом поле, а Булга-

ков отстаивал присутствие человеку личностного мифа - реальных мистических начал, которые, будучи абсолютно индивидуальными, являются всеобщими основами Бытия. Но ведь это и есть чудо - чудо метафизической поэзии.

Сейчас много говорят о кризисе поэзии, но кризис - это не гибель и не конец - это необходимость, та самая необходимость, при которой только и возможна истинная свобода. Евтушенко, выпустив динозаврских масштабов том «Строф века», вольно или невольно подвел черту под поэзией XX века (но не под поэтами). Для тех, кто жаждет раствориться в чужих мифах или в общем мифическом поле, ситуация неблагоприятная: наступает и уже наступило время поэзии третьего тысячелетия, которую можно охарактеризовать как поэзию метафизическую. Эта поэзия не будет отвечать на вопрос к чему и куда идти. Пожалуй, ответ уже получен (см. там-то и там-то, а главное - в себе). Поэзия, направленная вглубь человека, к поиску бытия чуда или личностного мифа, к себе метафизическому, а значит действительно живущему - такова поэзия, метафоризирующая символы и символизирующая метафору. Эта поэзия на пять лет обогнала астрономический ход времени. А пять - число счастливое.

Анатолий ТАРАСОВ

Анатолий Константинович ТАРАСОВ - по образованию инженер, депутат городской Думы. В «Пигмалионе» выступает не впервые. Стихи Анатолия Тарасова лиричны и глубоки по мысли, объемны и нежны по форме.

Ноябрь

Неброской северной красой
пленив сердце, невидимкой
проходит осень стороной
в едва белеющей косынке.

Задумчивую тишиной,
благословением покоя
сменился жаркий летний зной,
и опустели лес и поле...

Так чист и мягок первый снег,
так тих последних листьев шепот,
что забывает человек
обид и грусти горький ропот.

И радость светлою волной
внезапно к сердцу подступает,
как неба проблеск золотой
весны улыбка озаряет.

1981

Первый снег, первый снег -
чистый воздух, звонкий смех,
в блесках солнечных лучей
Таит розовый рассвет.

Невесомый легкий снег
чист и свят, как первый грех,

Ольга Толкачева

студентка 2-го курса филфака ТГУ

Ласковое тепло
Струится по темным лужам,
Снег медленно умирает,

скрыта чернота внизу -
только радость на виду!

Непорочен первый снег,
очень прост его напев.

И недолг его век...
Осторожно - первый снег!

1990
Тамбов

Предзимье

Клюква в снежном плену
на пушистой подушке.
Нитей темного мха
в опустевшем лесу.

Поздний трепетный лист
чуть дрожит на верхушке
зябких редких осин,
уходящих во мглу.

Утра розовый свет,
тихий сдержанный смех
на застывшем лугу
не спугнут тишину.
И снежинки звезда,
и слезинка дождя
замирают, ложась
на серебряном льду.

1990
г. Тамбов

Он уже никому не нужен.
В грязном месиве серых домов,
В переплетках тающих улиц
Я узнаю приближение ее.
Воробьи в подворотнях целуются.
На подмостки весенней игры
Скоро выйдут с оркестром коты,
Зацветут неземной красоты
В мутных окнах солнца цветы...

Александр МАКАРОВ

Поэт Александр Михайлович МАКАРОВ - один из самых первых авторов «Пигмалиона», наш верный и добрый друг, талантливый стихотворец. Окончил литературный институт, работает сталаром-краснодеревщиком в Староурьевском районе, член Союза писателей России.

Паломник II

«Любите ближнего...» Да что я, дурачок?
не в состоянии в жизни разобраться,

и ближнему отдам земли своей клочок
за так, за звук пустого слова: «братство»?
«Любите дальнего...» да что он, без ума,
я ближнего забыл, а он о дальнем;
рассеяна семья, пуста моя сума,
к чему слова, ты лучше хлеба дай мне.

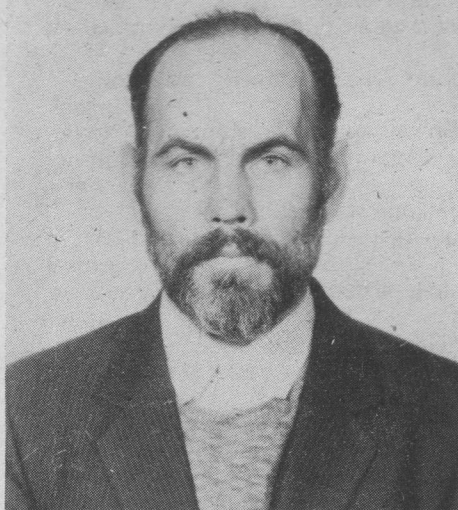
Дай хлеба, - слышен крик, - нам не нужны
слова,
голодного словами не накормишь.
Дай! - удержать листву не в силах дерева;
Дай! - глубоко в земле трепещут корни.
Дай! - просят небеса, цветок, река, изба;
душа не хлеба просит - исцеленья;
от слова «уцелеть» избавь меня, судьба,
от слова «выжить», если ушелею.
Я ближнего любил и дальнего любил,
и до скончанья века помнить буду,
как время позабыл, когда счастливым был,
когда забыл, простив за все, Иуду.
Горит полынью-звезда, тревожа мои дни,
свет лунный серебрит худую крышу.
Я слышу, чернь кричит: Распни его,
распни!
А то, о чем молчит, еще не слышу.

гусак запоздалый окунает голову
в беспредельную мягкость обманчивых вод;
с бордового клюва - с паяльника олово -
капля за каплей, нетерпенье течет.

его провожают толпы бессмертных
цветов, полюбивших скупой обрыв;
в глубине косяки облаков инертных
куются на спинах вертящихся рыб.

гусак запоздалый, занявший место
пахаря, - свечой ошпыляет звезда, -
спешит до заката обрадовать вестью
примолкшие веси - журчит борозда;

когда, наконец, он сомнение рассеет
ныряющей в синию бездну сохой?
когда эту гладь плавниками засеет
под молнией поздней холодной сухой.

Паломник I

Высокие врата покрыты светом;
свет ниоткуда, мы пришли за ним.
По следу Твоему за нами следом
пойдут другие в Иерусалим.
Реалиям гранитным нет значенья, -
духовный свет поддерживает свод;
а слева огибает нас течение
(и справа тоже) смертоносных вод.

Я шел к тебе дороги не ругая,
печали близких и вина себя;
любовь к себе мертва; любовь другая
живет к тебе твой облик серебра.
Любовь заглушит страх, лишенье, голод;
знакомый свет обманывает взгляд.
Я посещал когда-то этот город
тому тысячелетия назад.

Я старый воробей, и на мякине
меня ты никогда не проведешь;
я к гробу шел сюда, к его могиле.
«Его могилы здесь ты не найдешь,
все изменилось...» Но над силуэтом
соседа всходит солнца вечный нимб.
Высокие врата покрыты светом,
повсюду свет, и мы пришли за ним.

Литературное наследие

Евгений ХАРЛАНОВ

Воспоминание

Над снами деревень
среди черного угара
встает свирепый день,
как зарево пажара.

Нет силы превозмочь,
как сон больной и вещей,
мятущуюся ночь,
пожар окаменевший...

Знаки Зодиака

Годы зайцев, быков, макак,
только нет человеческой
лепты
Над землей солнце ходит,
как
по эклиптике эпилептик

цены взвинчивает
война
или подлый закон
от века -
чем дороже на жизнь цена,
тем ничтожней
на человека?

Владимир РУДЕЛЕВ

«Неопалимая купина»

Мой дед венчался в воскресенье
в соборе вещего Ильи.
Над городом, хмельной вельми,
пожар играл свое веселье.
Он был от радости багров
и дымом ел глаза чертовски.
Он полз с Ильинки и Почтовки,
и с Вала, и с иных бугров.
Шальные искры с низких крыш
бросались в дождевую кляксу.
У выезда к мосту коляску
остановила стая крыс.
Шарахнулась гнедая пара,
извозчик наострился сбечь.
И бабка в обморок упала...
Дед был и худ, и узкоплеч,
но не был черствою дубиной -
и верил, и молился всласть.
И купиной неопалимой
его коляска пронеслась.
... Как далеко еще до точки,
когда огонь во все края.
И были сыновья и дочери.
Последыш дивный - мать моя.

И жгли.
И вырывали корни.
И отравляли ядом лжи.
Молюсь незыблемой иконе
и верю, что останусь жив.

17 сент. 1988 г.
г. Рязань.

Сыр-Дарья

Словно усталая лошадь -
кто только не мял бока.
Хлопковый берег крошит
отравленная река.
Ей бы гулять по лугу,
ей бы течь через лес,
ей бы прижаться к другу,
уплывшему в синь небес.
Шутки почище БАМа
демоны с нею творят...
Теплая, словно баба.
И звезды горят, горят...

15 окт. 1988 г.
Дом отдыха близ Сыр-Дарьи.

ОБЛАКА

И близки.
И невесомы.
И белее молока...
Словно ангельские сонмы,
проплывают облака.

И бездумны.
И велики.
И небренней атлантис.
Солнце им румянит лики
и короны золотит.

И Ниневию.
И Римы.

...Я вот возьму мячик
и закину его высоко-высоко.
Пусть поймает Богородица
и отдаст своему Сыну...
Аня Руделева

Не кашляй, дочка, не болей.
Расти здоровой и красивой.
Нам не рояль и не балет -
чтоб только жизнь была и сила!
Чтоб Человек был, не изьян,
чтоб ни цинизма, ни безверья,
чтоб все цветы, жуки и звери
на нас глядели как друзья.
Бросай свой золотистый мячик
в космический фитофтороз.
И будет жизнь добрей и мягче.
И руку даст тебе Христос.

23 апр. 1989.
г. Ташкент.

Служба в Канищевском храме
Преображения Пресвятой
Богородицы

Какие очистительные гимны
у овсяных кормушек по утрам
слагали благородные гуингнмы,
заглаживая православный храм...

Вода в Оке под стать эпейской
акве,
и Божий храм - не место для коня.
Но здешний пуп, солнцеподобный
Авгий,
гераклов из колхоза выгонял.
Как гадкий сон - концлагери-

Вновь в светлой церкви служит поп,
не пуп.
Но как еще народ эпейский глуп!
Как от людишек отдает навозом!

Мы - только Прошлого глухое эхо,
бездушных призраков немой парад,
к столбам тупым привязанные еху...
И нет нам ни спасенья, ни наград.

29 июля 1991 г.
г. Рязань.

И еще старей сто крат...
Время радостно и зримо
совершает свой парад.

И, как грешные снадобья,
как садомский гиблый трут,
поднимаются подобья
из кирпичных дымных труб.

То ли в горе, то ли в милость,
в полдень, как на Божий суд,
Время вдруг остановилось,
а думы ползут, ползут.

24-25 ноября 1995 г.

Дебют

Дмитрей ТКАЧЕНКО

Ночь. Покой. Звезда. Паденье.
Холод. Снег. Зима. Мороз.
Даль. Дорога. Дом. Виденье.
Встреча. Радость. Грусть. Вопрос.

Свет. Заря. Весна. Рожденье.
Небо. Купол. Храм. Кресты.
Звон. Молитва. Звуки. Пенье.
Голос. Жизнь. Полет. Мечты.

Смех. Трава. Ручей. Журчанье.
Шепот. Губы. Стой. Слова.
Солнце. Лето. Зной. Молчанье.
День. Забота. Голова.

Скорость. Мысли. Бег.
Сраженье.
Старость. Думы. Хлеб. Еда.
Вечер. Осень. Путь.
Скольжение.
Цвет. Конец. Река. Беда.

Горе. Стоны. Слезы. Муки.
Боль. Отчаянье. Недуг.

Тело. Ноги. Сердце. Руки.
Страх. Паденье. Вечность. Круг.

Смерть. Покой. Душа. Вращенье.
Память. Мрак. Сознание. Прах.
Сон.
Надежда. Возвращенье.
Суд. Вопрос. Ответы. Крах.

Искра. Луч. Прозренье. Пламя.
Покаянье. Сердце. Жар.
Руки. Крепость. Сила. Знамя.
Воля. Небо. Божий дар.

Ночь. Покой. Звезда. Паденье.
Утро. Радость. Явь. Рожденье...

21.07.1995 год.

... Отринь скорей сомненья,
коли душа поет,
Лети без сожаленья
за песней той в полет...

25.09.1995 год.

Игорь СИТНИКОВ

И дикий терн, что цвел весной так
буйно,
И воронья гнезда
Бульдозер смел.
И на черемухе ни ягодки не видно,
И яблоня бесплодные упали под
ножом...

Густеют сумерки так скоро,
Рассвет так долго наступает.

В ожидании весны
Грущу о прошлогодней траве.

Не получить за год того,
Что обретается веками,

Михаил ГАВИН

молодой поэт, студент 3-го курса фило-
логического факультета ТГУ, талантливый
исследователь слова. Его стихи пока что
далеки от совершенства: порывистость на-
строения коррелирует со столь же рыв-
ковой формой, когда слова, словно наре-
занные для гостей ломти хлеба, конечно,
будут употреблены не полностью и не
разом. Автор сляпком дорожит приду-
маным им конструктором, чтобы сделать
ткань стиха более прозрачной и легкой.

Музыки громкие звуки,
Песен разгульных слова
Цепи надели на руки,
Мукой полна голова.
Нет, не желаю я рая,
рая довольных людей!
Молнии б лучше играли
Музыку лунных дождей!
Стопнано в пыль вдохновенье
Этой безумной толпой.
Всюду, где свет, опьянение.
Всюду, где день, - суетной.
В сутках, концом обожженных,
Страха не зная пути,
Я в темноте сокрушено
Понял: людей не спасти.
Жаль, что с рожденья неволен,
Как и любой, так и я...
Если бы песня дождя!!!
Руки грожат, как зайчатки...

Не обучить за час тому,
Что самому далось с годами.

Удобно устроившись,
Любуюсь цветами.
Чашечки до краев полны нектара -
Шмели не успевают отхлебывать,
И тяжелые капли срываются на бумагу.

Дикий селезень шумно вспорхнул -
К морю белых цветов провожает.

Зачарованный долго сижу,
Прикоснуться к перу не решаюсь.

Я в садоводстве несведущ,
Вряд ли сумею - невежда,
Пионы от спаржи весной отличить:
Или пионы в салат искрошу,
Или состарится спаржа.

Цепи звенят бытия...
Мысли залезли в перчатки...
Снять их: забота моя.

Пожелтела в пруду листва.
Бьет по глади его дождями
Разобитая высота
С испеченными облаками.
Стало холодно голой заре
Без деревьев и без поцелуев.
Не шумят они в уголке,
в звоне листьев, как ветер подует.
И на небе повисли глаза
той грозы, что глядит ненавистно,
как заря без одежд проползла
по пруду пожелтевшему, в листьях...
Осень влезла еще и в меня,
И опять эти черные слезы
от любви, что, как эта заря
исчезает и пачкает розы...
Я болею, мне нет любви.
Облака видны из зари -
- Словно белые с кровью скелеты...
Я болею, потеряв шаг.
Он не скоро назад вернется...
Еле жив, я качусь в овраг,
как сраженное вечером солнце...
Пожелтела любовь моя,
в сердце пылком оставив лето.
В этом сердце валяюсь я
отлюбившим и нищим поэтом.

ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Набор и верстка осуществлены в обл. типографии "Пролетарский светоч"	Тираж отпечатан в обл. типографии "Пролетарский светоч"	Редактор А. Б. МИХАЙЛОВА	Тираж 300 Подписано в свет 30.11.95 г.	Адрес редакции: г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14, ком. 48 Тел. 33-47-59
---	--	-----------------------------	--	---